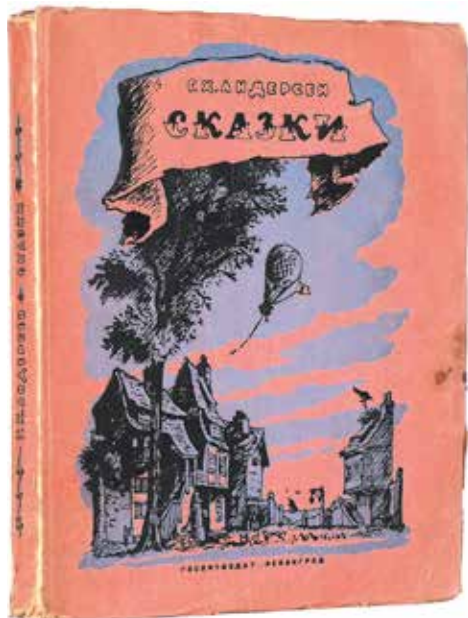

«ЕСТЬ ВСЁ ЖЕ МИЛОСЕРДЬЯ СЛЁЗЫ ...» КНИГИ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Человеческий мозг умирал последним. Когда переставали действовать руки и ноги, пальцы не застёгивали пуговицы, не было сил закрыть рот, кожа темнела и обтягивала зубы, и на лице ясно проступал череп с обнажающимися, смеющимися зубами, мозг продолжал работать. Люди писали дневники, философские сочинения, научные работы, искренне, «от души» мыслили.

Д. С. Лихачёв

Книга «Сказки» Г.-Х. Андерсена с ил. В. М. Конашевича (Л., 1943)

80 лет назад закончилась блокада Ленинграда: 27 января 1944 года прозвучал салют, ознаменовавший полное освобождение города. Победить ад на земле, сохранить в себе человеческое вопреки нечеловеческим лишениям, мукам голода, холода, боли и страха; найти силы и мужество казалось почти невозможным. Как писала в блокадном дневнике сотрудница Публичной библиотеки М. В. Машкова, «микрожизнь <...> — вот что спасает от мыслей, от ощущений, а многих — от сумасшествия <...>. Смотришь на книги, и вспыхивает такая жажда жизни».

В цикле стихов «В осаде», созданном в Ленинграде в 1941–1943 гг., Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая отразила это:

*О хлебе думать надоело,
К тому же нет его.
Всё меньше сил, всё легче тело.
Но это ничего.*

*Забуду всё с хорошей книгой,
Пусть за окном пальба.
Беснуйся, дом снарядом двигай, —
Не встану, так слаба.*

А Леонид Пантелеев в октябре 1941 года отметил в дневнике, что видел в трамвае девушку, читавшую книгу: «Читает, захлёбываясь, «переживая», с тем упоением и азартом, какой бывает лишь у детей и у немногих взрослых, сохранивших детскую восприимчивость и детскую непосредственность <...>. Через плечо соседа заглядываю в книгу: «Клянусь честью! — воскликнул герцог. — На вашем месте, ваше величество, я бы запретил этим коварным...»

«В годы войны люди жадно читали «Войну и мир» <...>. И читающий говорил себе: так, значит, это я чувствую правильно. Значит, оно так и есть. Кто был в силах читать, жадно читал «Войну и мир» в блокадном Ленинграде» — так вспоминала Лидия Яковлевна Гинзбург в книге «Записки блокадного человека».

Читательские дневники Юры Маретина — блокадного мальчика, ставшего впоследствии ученым, преподавателем, руководителем отдела литературы стран Азии и Африки Публичной библиотеки и владельцем самой крупной коллекции книг, изданных в блокадном Ленинграде, открываются записью от 2 марта 1942 года: «Жюль Верн — «Пятнадцатилетний капитан». Ю. В. Маретин вел дневник чтения на протяжении всей блокады. А впоследствии в одном из писем рассказал об этом автору издания о книжниках блокадного Ленинграда Т. В. Сталевой: «Почему книги передо мной, на столе, в пачках? А вот когда мы все поняли, что Она началась и всерьёз, когда моё жизненное про-

странство свелось к месту за окном у стола, когда книги день за днём заменили мне приятелей, игрушки, бегодную школу — всё-всё, вот тогда-то отец и сказал: «Ну, времени, у тебя, сынок, много. Вот смотри, что у нас есть. Прочтёшь — про весь мир узнаешь <...> про то, как люди живут. И почему плохо живут, положи-ка на стол, что нравится, да и читай с богом».

На протяжении всех лет войны работала Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне — Российская национальная библиотека). «Изредка захожу в Публичную библиотеку <...>. Число читателей невелико, обычно меньше десяти, а иногда — двое-трое. Библиотекари выглядят так плохо, что как-то неудобно их беспокоить. Приходится поэтому брать какую-нибудь книгу из находящихся под рукой», — отмечал 1 июня 1942 года учитель географии А. И. Винокуров (он был арестован и расстрелян в 1943-м, реабилитирован в 1999-м).

о видах взрывов и др.). Выпускали произведения художественной литературы и для детей, и для взрослых. За время блокады в Ленинграде было напечатано около 2000 книг и брошюр общим тиражом в 3 миллиона экземпляров.

Одной из первых в блокадном Ленинграде была выпущена книга «Пушкин и Родина» тиражом 10 000 экземпляров (ее подписали в печать 10 сентября 1941 года). Составил сборник выдающийся пушкинист Б. В. Томашевский вместе с молодым ученым А. И. Грушкиным. Книга вышла в так называемой Оборонной серии — серии специальных малоформатных, доступных книжек, в которых на материале русской литературы были показаны лучшие национальные черты народа и его героическое прошлое. Такую серию в самом начале войны начали готовить в Пушкинском Доме.

В 1942 году «Госполитиздат» выпустил брошюру «Оборона древнерусских городов», написанную М. А. Тихановой и Д. С. Лихачёвым. Эта книга, посвящен-

Книга «Оборона древнерусских городов» М. А. Тихановой и Д. С. Лихачёва (Л., 1942)

Отчет работы абонемента за 1 кв. кварт. 1942 г.

Чет выданных книг.

Месяц	Всего выдано	Воен. лиф.	Общ. покл.	Муж	Ж	С.Х.	Дет. лиф.	Дет. лиф.	Проч.
Январь	2171	109	409	36	73	132	7	1069	150 331
Февраль	1266	50	225	5	55	75	23	583	116 189
Март	1144	55	204	-	33	52	16	541	140 158
Итого	4581	214	838	41	161	259	46	2193	406 678
%		5%	18%	2	3½	6	1	47	8½ 14½

Зав. аб. С. М. Машков

Лист дневника Библиотеки им. Л. Н. Толстого с записями о книговыдаче в I кв. 1942 г.

Работали и другие библиотеки города (всего около двадцати). Среди них — Библиотека им. Л. Н. Толстого на Васильевском острове. Сохранились заметки заведующей Александры Ивановны Ростиковой, фиксирующие ежедневные посещения и выдачу книг. Сотрудники проводили мероприятия, организовывали передвижные выставки в госпиталях.

Продолжали работать издательства и типографии (постоянно действовали семь): печатали газеты, журналы, сводки и документы, книги практического содержания (о съедобных травах, о самодельном устройстве буржеек,

ная истории противостояния городов Древней Руси захватчикам, была написана в осажденном Ленинграде. «Настала суровая зима (1608/09 г.), а с нею и голод. В монастыре не было дров, чтобы отогреться и варить пищу. Жгли кровли, задние сени, чуланы, начали жечь житницы, но всего этого было мало; под неприятельским обстрелом пробирались в соседние овраги за хворостом — многие при этом погибали. Наконец, от голода, стужи и страшной скученности началось моровое поветрие: в день хоронили по двадцать, тридцать, а затем и по сто человек. Не успевали копать могилы и не знали, что делать <...>. Несмотря

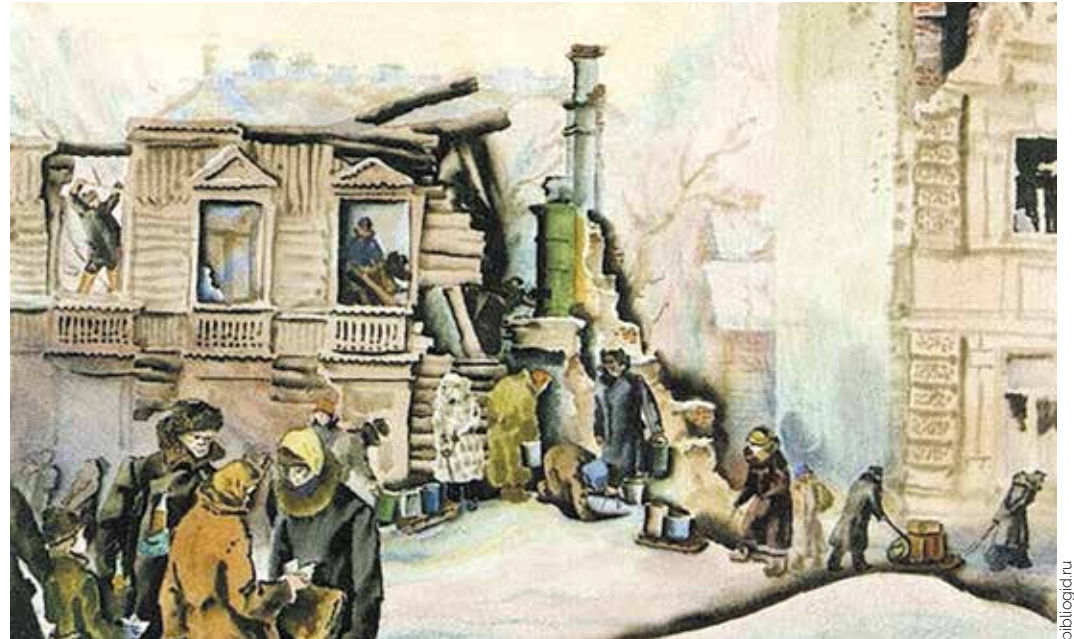

Книга «Пушкин и Родина», составленная Б. В. Томашевским и А. И. Грушкиным (Л., 1941)

А. Ф. Пахомов. В детдоме. 1942 г. Бумага, литография

В. М. Конашевич. Ленинград в дни блокады. Январь 1942 г.

А. Э. Блэк. Без света. 1941 г.
Бумага, смешанная техника, литография

ства детской литературы, запланировали выпустить книги С. Я. Маршака и К. И. Чуковского. Однако в одной из типографий внезапно обнаружили нерассыпанный набор довоенной книги сказок Андерсена. Художник Владимир Михайлович Конашевич, работавший в блокадном Ленинграде, подготовил для нового издания дополнительные иллюстрации (всего их получилось 109). Из осажденного города он писал в сентябре 1943 года своему другу, художнику В. В. Воинову: «Как раз сейчас возобновилась моя работа над детской книгой, и я при деньгах <...>. Надеюсь, я заслужил право немного помочь одному из старых, дорогих и самых близких мне друзей...» И «книжные» деньги, присланные из блокадного Ленинграда, действительно помогли: в тот момент тяжело болела дочка В. В. Воинова.

В декабре 1941 года отметил 50-летие своей книжной деятельности знаменитый ленинградский букинист Ф. Г. Шилов. Во время осады Ленинграда Шилов продолжал работать с книгами. Его переписка с библиофилом В. А. Крыловым, бывшим на фронте, показывает, что книжный рынок продолжал функционировать. Известно, что были открыты отделения Книжной лавки писателей, магазин на Литейном, 59, работали букинисты и на книжных развалах у Гостиного Двора. Устраивали даже книжные базары: продавали частные библиотеки. Вырученные

деньги могли помочь в эвакуации. Или спасти оставшихся в живых членов семьи погибшего владельца. В январе 1942 года сгорел дом, в котором жил Ф. Г. Шилов. Более половины книг погибло, а остальное пришлось продавать. «Во время блокады я получал вначале в писательской столовой обед без выреза талонов, но потом эти обеды отменили, и я, чтобы подкормить себя, вынужден был продавать самые ценные для меня вещи — книги, которые я мечтал сохранить до конца жизни <...>. Одно утешение, что всё мое собрание поступило в Публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина», — вспоминал букинист.

В Публичную и другие библиотеки города поступали частные книжные собрания: некоторые продавались владельцами, другие признавались бесхозными. Многие личные библиотеки формировались на протяжении нескольких поколений и часто представляли особо ценные профессиональные подборки книг. «По вскрытии комнаты (два висючих и один французский замок), не посещавшейся покойной с января т. г., в ней обнаружены книги на французском, английском, русском, польском и других иностранных языках, беспорядочно разбросанные на столах и диване и размещённые в трёх шкафах и корзинах», — говорится в одной из многочисленных докладных записок. Библиотекари реагировали на сообще-

ния жителей об оставленных книжных собраниях, проверяли квартиры и при необходимости организовывали вывоз книг. В документах фиксировалось количество экземпляров, тематика, особенности собрания и результаты осмотра. Это позволило спасти много библиографических редкостей.

Книги читали, писали, издавали, дарили, покупали, хранили, продавали, жгли. И это тоже спасало. По воспоминаниям Д. С. Лихачёва, «топили книгами. В ход шли объёмистые тома протоколов заседаний Государственной думы. Я сжег их все, кроме корректур последних заседаний: это было чрезвычайной редкостью. Книгу нельзя было запихнуть в печку: она бы не горела. Приходилось вырывать по листочку и подбрасывать в печурку».

В те страшные месяцы книга помогала, как могла, позволяя людям ощутить милосердие.

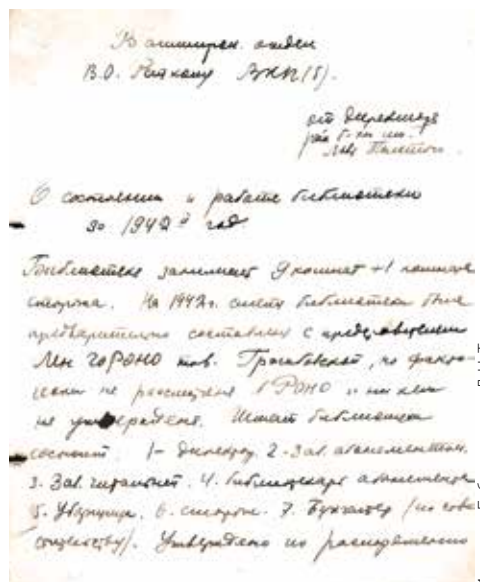
*Пьяна от книжного наркоза,
От выдуманных чувств...
Есть всё же милосердья слёзы,
И мир ещё не пуст!*

(Н. Крандиевская-Толстая. 1941 г.)

Виктория Козловская,
заведующая Библиотекой им. Л. Н. Толстого
ЦБС Василеостровского района

на все ужасы осады, мужественно держались осаждённые: все они поклялись сидеть в осаде без измены», — писала М. А. Тиханова об осаде Троице-Сергиевой лавры. Спустя десятилетия Д. С. Лихачёв вспоминал, что текстологические занятия русскими летописями именно тогда приобрели «современное звучание».

В 1943 году тиражом 30 000 экземпляров выпустили книгу «Сказки» Г.-Х. Андерсена с иллюстрациями В. М. Конашевича. На титульном листе и переплете указано, что издание выпущено «Гослитиздатом», а на странице с выходными данными — что оно подготовлено «Детгизом». Дело в том, что когда решили возобновить работу ленинградского отделения издатель-

Страница записки А. И. Ростиковой «О состоянии и работе библиотеки в 1942 году»

ЛенТАСС. Сбор книг для восстановления библиотек в освобожденных районах. 21 июля 1943 г.

Общий читальный зал в Кабинете Фауста в Публичной библиотеке. Зима 1941/42 гг.